

В.И. Мусеев

Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов

В этой небольшой статье я хотел бы коснуться проблем так называемой гуманитарной экспертизы инновационных проектов.

Тема гуманитарной экспертизы вообще является новым делом как в мире, так и в нашей стране, и здесь идет активный поиск и формулировка новых идей и подходов¹. Это в какой-то степени позволяет и философу без особого опыта в данной области поразмышлять на «заданную тему».

В связи с этим, мне хотелось бы подойти к осмыслению феномена гуманитарной экспертизы достаточно масштабно и стратегично, отталкиваясь от некоторого предварительного перспективного видения глобального контекста этой проблемы.

Инновации. Экспертиза. Гуманитарность

Давайте попробуем сказать достаточно просто и даже наивно, что такое экспертиза, гуманитарная экспертиза, что такое инновационный проект, и как это может быть связано.

Несомненно, в самых глубинах этих концептов лежит идея развития как роста бытия. Бытие не просто дано, оно растет, переходя от меньшего к большему. Бытие дано во времени, и смыслом времени оказывается именно рост бытия. Мы – как часть бытия – также жаждем смысла существования, который находим в полной и плодотворной жизни, где мы становимся полнее, сильнее, глубже, совершеннее. Это всем знакомая идея развития. Возможно, в

эпоху постмодернизма эта идея себя сильно проблематизировала, но на площадке социополитической она возникла сравнительно недавно, когда среди политиков новых поколений, сначала робко, а затем все более модно, утверждается идея ненасильственного развития, когда можно получить большее не путем насилия, не путем эгоизма верхушки, но так, чтобы всем было лучше. Тогда и верхушке станет лучше, причем в большей мере и более устойчиво, чем если бы проводилась идея лучшего только через эгоизм. Это говорит о взрослении политического сознания, которое, по-видимому, впервые начинает в западной истории прикасаться к элементам альтруизма после долгой эпохи гипертрофированного политического эгоизма.

От эгоизма сознание движется к более альтруистической установке через промежуточные стадии «рационального эгоизма» (вспомним Чернышевского), где последовательное прагматическое размышление обнаруживает, что благо всех более выгодно и моему собственному благу, так что если я хочу достичь особенно большого собственного блага, мне нужно способствовать и благу всех. В противном случае мое благо не сможет быть так максимизировано, если оно будет преследовать только себя, независимо от блага других. В эгоизме, иными словами, есть два вклада – один, идущий от чистого эгоизма, и другой – от альтруизма. Если пытаться максимизировать эгоизм, надо выйти за рамки чистого эгоизма, развивая и альтруизм, и через это получая второй вклад эгоизма и только так достигая того максимума, который вообще может быть выжат из эгоизма.

Вот так мудро устроено бытие. Во всяком начале есть те же два вклада, которые в философии обычно называются «самобытием» и «инобытием» начала. Полнота бытия получается их соединением, но вклад инобытия требует выхода за данное начало и обращение к иному. По-видимому, политическое сознание постмодерна вступило в эпоху *инобытия эгоизма*, будучи вынужденным так или иначе обращаться к элементам альтруистических стратегий мышления. Инновации и гуманитарная экспертиза, с нашей точки зрения, – симптомы этого более глубокого процесса.

Отсюда вытекает, что такой более зрелый политический разум должен заботиться о развитии своего государства и общества, пытаясь понять направления развития общества-истории и реализуя соответствующие инновационные проекты.

Итак, *инновационные проекты – это выражение политического разума, настроенного на глобальное видение политического процесса, на его развитие и совершенствование в рамках более обширного контекста развития общества и исторического процесса.* Одной из важных политических ценностей в этом случае оказывается развитие – такое усиление государства и политической власти, которое не замыкается в своем эгоизме, но открыто на альтруистические элементы видения себя в составе развивающихся более глобальных целых. Отсюда связь инноваций с тем, что можно называть направлением *динамического холизма* – течения, ориентированного на развитие (динамизм) и целостности («холоны») все более высоких порядков.

Поэтому инновации – вообще один из симптомов, хотя и важный, более глубокого процесса формирования новой политики. Ведь в самом деле управлять можно по-разному. Во-первых, сам политический лидер или элита может быть более или менее развита, во-вторых, она может пытаться руководить более или менее развитой общественностью. Отсюда получаем 4 основных варианта возможных политических систем: 1) неразвитая элита – неразвитая общественность, 2) развитая элита – неразвитая общественность, 3) неразвитая элита – развитая общественность, 4) развитая элита – развитая общественность. На каждом этапе свой тип управления. Допустим, развитая элита в неразвитой среде вынуждена прибегать к манипулированию, например, к разного рода видам рефлексивного управления. Наоборот, неразвитая элита в развитой общественной среде (вспомним случаи сталинских шарашек) будет особенно склонна к насилию, ощущая себя в чужеродно-превосходящей среде.

Исторический процесс в своей глобальной перспективе направлен, по-видимому, от неразвитости к развитости, проходя все возможные промежуточные стадии. Инновации – симптом такого движения, когда политическая элита подвигается к своей развитости вместе с повышением развитости общественной среды. В нашей стране пока во многом встречаются комбинации первых трех вариантов, но возникает и зародыш 4-й политической фазы.

Пропусту говоря, инновации – это симптом желания более мудрой политической элиты работать на будущее, способствовать развитию общества, и делать это достаточно альтруистично, проявляя уважение к иному.

Конечно, это идеал. Но в социогуманитарной сфере также важно выписывать свои идеалы, чтобы иметь возможность относительно них выверять фактическое положение дел. В этом слой должного в гуманитарной сфере сродни по строгости и нормативности математическому знанию. Как, например, писал замечательный русский философ, Владимир Соловьев, о задачах нравственной философии: *«Её задача по своей ясности и независимости от каких-нибудь внешних обстоятельств равна задачам чистой математики. При каких условиях отрезок треугольной призмы равен трём пирамидам? При каких условиях общественные отношения в данной сфере соответствуют требованиям нравственного начала и обеспечивают данному обществу прочное существование и постоянное совершенствование?»*².

В переходе к зрелой элите все большую роль приобретает осознанное управление процессами общественного развития. Иными словами, политический разум все более рационализируется и начинает испытывать потребность в адекватной социогуманитарной теории, которая смогла бы дать верную картину социальных процессов и строить достаточно обоснованные прогнозы будущего общественного развития. Отсюда растущая тенденция сращения политической и интеллектуальной элиты, сближение воли и разума в направлении к разумной воле и волевому разуму. Эта необходимость понималась со времен «Государства» Платона, но, как известно, сам Платон к старости разочаровался в ней, выразив в «Законах» более умеренную идею правления не мудрости, но законов. Это был верный отклик на неразвитую элиту в неразвитой среде, где требовались более ритуальные формы управления. Сегодня ситуация может измениться.

Экспертиза социальных проектов – это лишь современная терминология старой идеи разумного принятия политического решения, когда политическая воля, сильная своей силой, требует еще верного направления, в котором ей может помочь разум. Сообщая разуму силу и приобретая от него верное направление, воля совершенствуется и делается более эффективной. Так феномен экспертизы оказывается сегодня симптомом движения политической элиты к своей зрелости и понимания необходимости своего союза с интеллектуальной элитой, которой передается часть полномочий в итоговом принятии политического решения.

Проще говоря, экспертиза – это признак более осмысленной политической воли, в которой пропорция разума и иррационального импульса повышается в сторону первого. Современная политика начинает все более испытывать потребность в науке, которая должна выступать экспертом политических решений.

Наконец, остается момент *гуманитарности* в особом виде экспертизы, которая называется «гуманитарной экспертизой».

Этот феномен сигнализирует, как представляется, новый этап развития гуманитарных наук, когда они завершают свой первый период чисто описательного развития, первоначального сбора фактов, и приближаются к первым теоретическим модельным обобщениям в своих областях, открывают первые концептуальные единства в области гуманитарного знания. Свет разума находится на стадии своего восхода в гуманитарной сфере, и при его еще неярком свете, уже можно многое разглядеть глазами разума, а не простого восприятия. Возникает, иными словами, гуманитарный разум, который впервые может столь рационально и наукообразно присоединиться к оценке эффективности политической воли. Таков вызов, выражаясь языком Тойнби, гуманитарной экспертизы, на который должна дать свой ответ современная политическая воля.

Итак, собирая все вместе, мы можем заключить, что проблема гуманитарной экспертизы инновационных проектов – это *проблема новой стратегической системы принятия политических решений, в которой новый вид политической воли, ориентированный на принципы динамического холизма, идеалы развития и «рационального эгоизма», вступает в союз с новым видом гуманитарного разума, способного строить теоретические картины гуманитарного бытия и проводить научно обоснованный прогноз гуманитарного развития.*

Таков, повторяю, идеал, который, как и всякое должное, не отменяет своей нормативности, несмотря на практически повсеместное свое невыполнение в мире сущего.

К методологии гуманитарной оценки

На каких принципах должна была бы строиться гуманитарная экспертиза, какой могла бы быть ее аксио-методология?

Как бы мы ни проблематизировали разного рода критерии оптимальности и развития, в случае принятия решения мы в любом случае встаем перед выбором и отдачей предпочтения той или иной альтернативе. Особенную проблему представляют критерии возможной гуманитарной оптимальности в оценке разного рода проектов социо-политического развития. Решение подобной проблемы вряд ли может обойтись без учета истории философии, в которой давно обсуждаются в том числе критерии оптимальности.

С нашей точки зрения, своего рода аксиоматической основой возможного критерия оценки в гуманитарной сфере является

Аксиома превышающего включения. Из двух альтернатив предпочтительнее та, которая включает в себя другую альтернативу и восполняет ее чем-то новым.

Таким образом, если даны две альтернативы А и В, и $B = A + \Delta B$, где прибавка $\Delta B > 0$ (больше нуля), то, согласно аксиоме, из двух альтернатив должна быть выбрана альтернатива В.

За внешне простой формулировкой аксиомы скрывается, однако, богатый контекст, понимание и умение использовать который и составляет подлинное искусство экспертизы.

Возьмем в качестве примера возможные проблемы экспертной оценки новых технологий.

С одной стороны, мы ощущаем усиление технических возможностей с развитием всякой технологии. Мы можем связываться на расстоянии, иметь доступ к огромным массивам информации в любой момент времени, иметь качественную одежду, питание, разнообразную индустрию удовольствий и т.д. Но все это, если так можно выразиться, лежит в области «техне», т.е. такого принципа субъектного бытия, в котором выражается совершенство разного рода *средств* достижения тех или иных целей, не вполне затрагивающих самих целей – *телеологию* человеко-бытия.

В общем случае в составе субъектного бытия есть принцип цели и принцип средств. Последнее и есть во многом принцип «техне». Мы можем все лучше достигать целей – питание, познание, власть, комфорт и т.д. Но сами цели могут быть относительно независимыми от средств своего достижения.

Таким образом, в составе субъект-бытия можно выделять область «техне» (область средств-органов) и область «телоса» (целей).

Риски технологий особенно связаны с тем, что они вновь и вновь совершенствуют наше «техне», не очень затрагивая уровень развития «телоса». И если цели останутся достаточно низкими, но они получают мощные средства своей реализации, то это воспринимается как несомненная угроза, вызывающая дисбаланс субъект-бытия. Сила и могущество оправданы для высоких целей и становятся опасны, когда направлены на поддержание и усиление низких систем ценностей-целей.

Измерение «техне» достаточно нейтрально и может быть использовано в пользу разных целей. Аксиома превышающего включения подвигает нас и в этой сфере выбирать то, что более мощно и полно. Например, трактор выбирается перед лопатой, поскольку то, что можно вырыть лопатой, можно вырыть и трактором, но, кроме того, и еще много больше. Однако что мы будем рыть – котлован для дома или для братской могилы, где будут расстреляны невинные люди, это разные вещи.

Полнота определения средств невозможна без оценки тех целей, на которые эти средства направлены. Если сильные средства будут связаны с низкими целями, то в конечном итоге полнота субъект-бытия окажется уменьшенной и под видом выбора более сильных средств мы выберем более слабые цели, усилив их этими средствами. Таким образом, за видимостью большего здесь будет выбрано меньшее.

Попробуем несколько более формально представить этот случай непростой оптимизации.

Пусть $C1$ – некоторый первоначальный контекст рассмотрения выбора, и в этом контексте рассматриваются две альтернативы A и B . Тот факт, что эти альтернативы рассматриваются в контексте $C1$, обозначим через $A \downarrow C1$ – «альтернатива A в контексте $C1$ », и $B \downarrow C1$ – « B в контексте $C1$ ».

Допустим, в рамках контекста $C1$ альтернатива B оказывается более полной и должна быть выбрана, в согласии с аксиомой превышающего включения.

Это можно записать в виде:

$(B > A) \downarrow C1$ – « B предпочтительнее A в контексте $C1$ »,

что равносильно отношению $B \downarrow C1 > A \downarrow C1$ – «альтернатива $B \downarrow C1$ предпочтительнее $A \downarrow C1$ ».

Например, контекст $C1$ – это контекст оценки технологий, независимо от их возможности использования для достижения тех или иных целей. $C1$ можно называть «техне-контекстом».

Далее контекст $C1$ может быть расширен до некоторого более полного контекста $C2$, который включает в себя контекст $C1$ и дополняет его некоторыми новыми условиями рассмотрения проблемы. Например, $C2$ – это техно-телеологический контекст, когда технологии начинают рассматриваться и в связи с теми целями, на которые они могут быть направлены.

В рамках более полного контекста $C2$ может оказаться, что чисто технически выгодная альтернатива B содержит в себе повышенные риски усиления более низких целей, и в контексте $C2$ она оказывается менее предпочтительной. Таким образом, получим, что

$B \downarrow C2 < A \downarrow C2$ – «альтернатива $B \downarrow C2$ менее предпочтительна, чем $A \downarrow C2$ »,

или:

$(B < A) \downarrow C2$ – «альтернатива B менее предпочтительна, чем A , в контексте $C2$ ».

Главный вывод, который мы можем отсюда извлечь: *расширение контекста оценки может привести к инверсии оценки, особенно в связи с выходом за рамки только «техне-контекста».*

Но зачем расширять контекст?

Желание расширить контекст и чувство того, что более широкий контекст – более верный для принятия решения, очевидно, так же является одним из следствий Аксиомы превышающего включения. В более обширном контексте оцениваемая альтернатива оказывается более полной, более предпочтительной, чем та же альтернатива в более узком контексте.

Таким образом, $A \downarrow C1 \leq A \downarrow C2$, если $C1 < C2$, т.е. одна альтернатива A не беднее в более богатом контексте.

Число контекстов бесконечно, и возможно ли в этих условиях вообще принять решение?

В самой жизни мы решаем эту проблему выделением некоторых *существенных контекстов*, которые могут значительно изменить оценку альтернатив. Все прочие контексты окажутся незначительно меняющими оценку и могут быть отвлечены в процессе оценки и принятия решения.

Ограничение оценки только системой существенных контекстов также можно рассмотреть как следствие Аксиомы превышающего включения, хотя на первый взгляд эта ситуация кажется ее нарушением.

Увеличение числа контекстов – это процесс неоднозначный. Более полные контексты, с одной стороны, позволяют сделать более полным бытие альтернативы, как было отмечено выше. Но, с другой стороны, рассмотрение новых контекстов останавливает процесс жизни и прерывает активность субъекта. Пока привлекаются новые существенные контексты, первое превышает второе. Когда же начинают использоваться контексты несущественные, то выигрыши от полноты рассмотрения альтернатив начинают значительно отставать от проигрышей бытия самого выбора как превращенной жизни.

В итоге возникает более сложный критерий оптимальности самого выбора, который дает максимум на существенных контекстах и снижается при дальнейшем увеличении числа контекстов оценки. Подобный критерий оптимальности выражает меру бытия самого выбора, которая падает за пределами существенных контекстов, и, согласно аксиоме превышающего включения, мы должны отказаться от привлечения таких контекстов, хотя чисто формально они создают иллюзию рассмотрения все более полного бытия выбора-оценки. Иными словами, контекстное богатство представления альтернатив выбора – не единственный критерий полноты бытия выбора, и за пределами существенных контекстов этот критерий перестает вносить значительный вклад в полноту бытия выбора, которая, в силу иных критериев, начинает снижаться в области несущественных контекстов. Кстати, подобную логику можно перевернуть, используя ее для определения существенных контекстов: существенными можно называть такие контексты, за пределами которых обогащение альтернатив выбора перестает принципиально влиять на полноту выбора.

В любом случае в основе процедуры оценки лежит некоторая аксиологическая интуиция субъектов («неявные ценности», если проводить здесь аналогию с неявным «личностным знанием» Полани³), только опираясь на которую возможно адекватное рациональное представление процедуры оценки. Эта ситуация напоминает случай построения лица преступника с использованием

фоторобота. В бессознательном свидетеля есть образ такого лица. Но он дан настолько, что может быть лишь опознан, а не воспроизведен активно. Такое знание можно называть *знанием-опознанием*. Мы не можем сами воспроизвести некоторую деятельность, но можем ее опознать, если она будет воспроизведена извне.

Аксиоинтуиции в большинстве своем таковы, что мы не можем их активно воспроизвести, но всегда способны достаточно точно опознать при внешнем воспроизведении. С этой точки зрения в организации субъектного бытия все организовано достаточно жестко и точно. Я думаю, нас впереди еще ждет открытие того, насколько много строгости в том, что мы до сих пор считаем расплывчатым и неопределенным в нашей жизни. Мы здесь обычно путаем нечеткость нашего воспроизведения с четкостью нашего опознания. Воспроизвести-выговорить многое из наших субъектных онтологий очень сложно, и это обычно удается сделать довольно расплывчато. Но это совсем не значит, что само бытие плохо выразимого нами само по себе не оформлено. И доказательством тому выступает феномен знания-опознания, которое обычно достаточно строго организовано.

Приведу некоторые примеры, чтобы показать возможные случаи четкой организации неявной аксиологии, хотя и мне, как одному из субъектов, это будет сделать столь же трудно, что и в случае воспроизведения лица другого человека. Но встречаются ведь и художники среди свидетелей...

Есть, например, в нашей жизни целый мир (онтология) «чистого – грязного» со своими формами и законами. Например, пол для нас – это область грязи. Наоборот, верхние поверхности предметов – стола, дивана, стула... – это более чистые поверхности. Если предмет падает с поверхности стола на пол, он приобретает новое качество «грязного», даже если с физической точки зрения существенного изменения с таким предметом не происходит. Чтобы вернуть его в прежнее состояние «чистого», нужна специальная процедура «очистения» – его, например, нужно помыть, вытереть и вновь поместить на верхние поверхности. Особенный центр субъективной чистоты для субъекта – это его тело, особенно область лица, рук, рта... (хотя биологически рот и другие части тела могут быть более грязным местом, чем пол, – допустим, по скоплению бактерий). Самым грязным, соответственно, являются те же области тела, но другого человека, особенно человека незнакомого или врага. Повышенные

центры чистоты в квартире – кухня, лицевые поверхности тарелок, спальня, бельевая внутренность кроватей и т.д. Области повышенной «грязи» – туалет, прихожая, коридорный пол... Например, маленький ребенок совершенно не знаком с подобной онтологией «чистого – грязного», и он постоянно нарушает ее законы, что приводит в ужас разного рода озабоченных мам и пап, так что шлепками и криками они постепенно присваивают нужные «валентности» тем или иным вещам-предметам в онтологии «чистоты – грязи», и подобное знание становится для ребенка неявным знанием и аксиологией.

Причем, я хотел бы подчеркнуть, что для целых обществ могут быть свои достаточно точные константы этой онтологии, и у каждого человека они могут быть еще индивидуальными, но также достаточно строгими. Например, могут достаточно быстро и точно определяться упорядочивания «грязного – чистого» для разных поверхностей и предметов в том или ином контексте. Допустим, по степени чистоты можно дать пример такого ряда:

подошва тапочек < сиденье стула < поверхность письменного стола < поверхность обеденного стола < лицевая сторона чистой тарелки < свой рот

И когда маленький ребенок засовывает подошву тапочек в свой рот, это вызывает почти мистический ужас у мамы!

Попросить описать свою онтологию «чистоты-грязи» может вызвать значительные затруднения у многих людей, в то время как опознать ее структуры почти не вызовет ни малейшего труда у всех людей. И выявится достаточно четкая структура этой онтологии, как вполне определенным является лицо, восстанавливаемое на фотороботе.

Я сделал этот пассаж, чтобы проиллюстрировать идею «неявной аксиологии», которая может оказывать значительное влияние в процессе принятия решений, в том числе в области гуманитарной экспертизы, которая всегда предполагает свою онтологию «обобщенно чистого – грязного».

В том числе, в состав неявной аксиологии попадают и достаточно строгие критерии существенных контекстов.

Эксперты должны обладать нужной неявной аксиологией, относительно которой они способны оценивать те или иные рациональные экспликации оценок, структуру принятия решения, степень существенности контекстов и т.д. Подобная неявная ак-

сиология должна выступить своего рода эталоном, относительно которого будут совершаться постоянные поправки рациональных схем принятия решения. С другой стороны, неявная аксиология сама может испытывать влияние со стороны своих рационализаций, не только «затемняясь» ими, но и приобретая более структурно-рельефный вид.

В идеале экспертиза должна стремиться рационально эксплицировать неявную аксиологию, обладая тонким аксиологическим чувством и способностью неразрушительного рационального представления аксиоинтуиции. В любом случае должна, по-видимому, сохраняться некоторая открытость всех рациональных экспликаций неявной аксиологии, и подобные рациональные модели должны не замещать, но вступать в диалог с аксиологической интуицией, опять-таки представляя более полное субъектное состояние, которого следует придерживаться в согласии с той же аксиомой расширяющего включения. Если мы слишком жестко отождествим некоторую рациональную модель выбора с полнотой радио-интуитивного комплекса в этой области, то будет выбрано нечто меньшее-условное, что обнаружит большее число фальсификаторов-контрпримеров в процедурах принятия и проверки решений.

В итоге мы видим следующие аспекты возможной идеальной модели гуманитарной экспертизы:

– «аксиома превышающего включения» и следующие ее следствия:

- Контекстность оценки альтернатив;
- Возможность инверсии оценки с расширением контекстов;
- Стремление расширять контексты;
- Ограничение реального решения существенными контекстами;
- Опора на неявную, но строгую, аксиологию проблемы;
- Создание диалога неявной аксиологии и ее рациональных реконструкций.

Система Клио

Еще одна важная составляющая гуманитарной экспертизы – это, как представляется, владение стратегическим мировоззрением, только относительно которого могут приниматься достаточно адекватные и перспективно-удачные решения.

Что нас ждет в будущем? Каковы возможные сценарии человеческого развития и какие соответствующие влияния оказываются в этом случае стратегическими? Этих и подобных им вопросов не удастся избежать в стратегической системе принятия разумных гуманитарно-ориентированных решений.

Подлинная гуманитарная экспертиза должна опираться на некоторый глобальный проект человеческой истории, только из перспективы которого возможно принятие по-настоящему экспертных решений.

Подобно известной сегодня модели «Система Гея»⁴, в которой предполагается существование глобальной системы поддержания равновесия и целостности всей планетарной системы, я хотел бы предложить гипотезу своего рода «Системы Клио», по аналогии предполагающей существование единой динамически-организованной системы мировой истории, которая обладает своим гомеостазом и телеологией.

В рамках гипотезы «Системы Клио» ни один исторический субъект в лице наций, государств и даже человечества в целом не является полным субъектом истории. Таковым выступает только вся система горизонтальных (в рамках одного уровня) и вертикальных (по разным уровням) исторических субъектов, причем система, обладающая эмерджентными качествами, отсутствующими у каждого отдельного ее элемента, сколь бы глобальным он не был.

Кто субъект истории? Американский президент? Тайное мировое правительство? Мировой финансовый капитал?

Гипотеза «Системы Клио» предполагает, что среди людей и их институтов нет полного субъекта истории. Есть только постоянно существующая иллюзия, что кто-то является таким субъектом. Конечно, та или иная человеческая инстанция может в большей или меньшей мере приближаться к сонаправленности своей воли с интегральным вектором исторической динамики, но область исторической непрозрачности и неуправляемости есть для любой человекоразмерной силы, сколь бы она ни тешила себя обратным убеждением.

Можно предполагать, что «Система Клио» обладает как моментом гомеостаза, поддерживающего историческое равновесие на каждом историческом этапе, в течение которого можно говорить об определенной константности исторической эпохи, так и явной

направленностью исторической динамики, в которой выделяются крупные исторические гештальты-эпохи со своей целостной организацией. Планирование и достижение подобных крупных исторических целых не под силу ни одной человеческой силе. История идет поверх всех нас, хотя головы некоторых ближе к ее высоте...

Динамика «Системы Клио» разворачивается в древовидных универсумах исторических полисценариев, в рамках которых история имеет условное наклонение, время от времени подходя к крупной развилке будущих глобальных сценариев развития. В такие «узловые моменты» историческая динамика меняется, открываясь на возможные малые флуктуирующие воздействия, вплоть до влияний отдельных исторических личностей, затем на более-менее длительное время уходя по более каузально замкнутой ветви исторической эволюции до следующей «узловой точки».

В рамках понимания динамики «Системы Клио» важна, по-видимому, гипотеза «формативной причинности» Р.Шелдрейка⁵, согласно которой всякий вероятностный процесс образует свое морфогенетическое пространство, которое все более закрепляет выбранную ветвь древовидного универсума и оказывает все большее влияние на последующие выборы, выступая своего рода «наследственным грузом» прошлой эволюции. Подобное влияние описывается Шелдрейком как механизм так называемого «морфического резонанса», который в рамках «Системы Клио» мог бы приводить к повышению вероятности выбора тех новых узловых сценариев, которые резонируют с системой предшествующих выборов и актуализированной ветвью древовидного исторического пространства. Подобный механизм обладает и элементами прогностической значимости, которая должна учитываться в рамках стратегически ориентированной гуманитарной экспертизы.

По-видимому, в рамках «Системы Клио» формируются тойнбианские механизмы «вызова –ответа», когда Система не только формирует Вызов, но и обеспечивает ресурсы Ответа на него, в том числе в формах рождения и подготовки нужных исторических движений и деятелей, появляющихся в нужное историческое время, что не раз отмечалось историками.

На разных уровнях «Система Клио» могла бы иметь неоднородную организацию. Например, более стохастически-природную на уровне гумилевских этносов⁶, с промежуточными целостностями

относительно автономных культур-цивилизаций, которые внутренне движутся по законам уже медиальной исторической динамики, и, наконец, все более глобальными планами марксистско-подобных «формаций», парамодернистских стадий (имею в виду принятое сегодня деление на «до-модернизм», «модернизм» и «пост-модернизм») и итоговым планом «ноосферной» организации.

Принятие экспертных решений должно проявлять себя в рамках «глобальных карт» в том числе и «Системы Клио». Эксперты-гуманитарии должны понимать узловые точки уже прошедшей исторической динамики, держать в сознании наиболее вероятные гипотезы исторических инвариант и ближайших узловых событий, определяющих контекст принятия любых стратегических решений.

Например, в рамках мировой истории и исторической динамики России можно было бы выделить, по крайней мере, следующие узловые точки «Системы Клио».

Осевое время V–VII вв. до н.э. Особенно ярко эмерджентность «Системы Клио» проявляет себя здесь в практическом трансгеографическом синхронизме, в возникновении крупнейших фигур-основателей – Сократ, Будда, Конфуций, Лао-Цзы – восточной и западной цивилизаций.

Миссия Христа. В рамках судеб мировой истории это событие, жизнь и жертва Христа, создание крупнейшей мировой религии и задание базовых культурно-исторических констант западного мира, который сегодня во многом определяет и нарождающиеся константы глобализационного процесса, вряд ли может быть переоценено. Здесь мы имеем своего рода «архетип миссионерства», своего рода морфогенетический детерминант мессианства, который с этого времени проникает в любую миссионерскую деятельность, так или иначе воспроизводя в ней микромистиерию христианского архетипа.

Среди последующих узловых событий уже отечественной истории можно отметить, например, следующие «исторические бифуркации».

Крещение Руси.

Татаро-монгольское иго и формирование Московского государства.

Смутное время XVII века.

Реформы Петра Первого.

Отечественная Война 1812 г.

Реформы Александра Второго.

Русский марксизм и Октябрьская революция.

Приход к власти Сталина и создание советского тоталитаризма.

Великая Отечественная Война 1941–45 гг.

Холодная война.

Новая Россия.

Каждое из этих узловых событий вновь представляет собой выбор в рамках некоторого спектра альтернатив, которые условно можно обозначить как 1 («крайне хорошо») и 0 («крайне плохо»). Конечно, все реальные исторические выборы лежат в интервале между 1 и 0, но могут отклоняться в ту или иную сторону от середины спектра 0.5. Например, освободительные реформы Александра Второго явно отклоняются в сторону 1 от 0.5, реализуя давно назревшую потребность преодоления крепостного рабства российских крестьян, движения государственной системы в сторону республиканства и демократии. С другой стороны, создание сталинского тоталитарного режима – это явный выбор в сторону приближения к полюсу нуля, который привел к столь тяжелой исторической наследственности всей последующей судьбы России, что оказались резко затруднены последующие силы более прогрессивного исторического выбора в более поздних узловых событиях нашей страны, в том числе и в нашей современности.

Возможно, мы этого не осознаем, но на каждый наш шаг и состояние сегодня оказывает свое могучее влияние вся эта цепь узловых выборов, как в рамках мировой истории, так и в нашей национальной исторической судьбе.

Прослеживая цепь пройденных шагов «Системы Клио», можно предполагать важнейшие будущие узловые выборы.

Мне представляется, что для нашей страны такой важнейшей исторической развилкой является альтернативное пространство Возрождения или распада Новой России.

Удастся ли России возродиться как сильному государству и прогрессивному обществу, сохранить преемственность своей вековой истории и этнической основы? Или на месте России возникнет некоторая новая общность (семейство общностей), которое заново начнет свое существование и будет представлять собой нечто иное, нежели «великий многонациональный русский народ» и его

самобытная культура? Выбор в сторону той или иной альтернативы формируется уже сегодня, и современные задачи гуманитарной экспертизы должны отдавать себе полный отчет в своем нахождении внутри пространства этого узлового выбора.

Затем, по-видимому, все человечество станет перед чрезвычайно важным историческим выбором, связанным с угрозой такого планетарного строя, который условно можно обозначить как «ультратоталитаризм». В рамках «Системы Клио» так или иначе будет определен вариант глобального мироустройства человечества, который может располагаться в спектре от проектов «многполярного мира» до угрозы «монополярной модели», в рамках которой велика опасность возникновения нового тоталитаризма, который по своим масштабам и ресурсам может далеко перекрыть все известные до сих пор тоталитарные режимы. Такой будущий тоталитаризм, вооруженный объединением сил всех наций Земли, сверхтехнологиями будущей науки, воистину достоин названия «ультратоталитаризма». Удастся ли будущему человечеству избежать этой участи – это, по-видимому, составит основу более отдаленной узловой точки мировой истории:

преодоление или возникновение ультратоталитаризма.

В таком пространстве исторической судьбы должна определять себя сегодня гуманитарная экспертиза, принимая во внимание не просто некоторую аксиологическую калькуляцию сиюминутных выгод и потерь, но и осознавая себя как одну из малых волей единой «Системы Клио».

Примечания

- ¹ См.: *Ашмарин И., Юдин Б.* Основы гуманитарной экспертизы // *Человек.* 1997. № 3.
- ² *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 1990. С. 425–426.
- ³ *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998.
- ⁴ *Lovelock J.E.* Gaia: A new look at life on Earth. Oxford, 1979.
- ⁵ *Шелдрейк Р.* Новая наука о жизни / Пер. с англ. Е.М.Егоровой. М., 2005.
- ⁶ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.